

ЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ “РОДНАЯ ЗЕМЛЯ”

ВЫПУСК СОРОК ВТОРОЙ:

Мария Суханова

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Никлас Луман

**ФОРМЫ ПОМОЩИ В ПРОЦЕССЕ
ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ
УСЛОВИЙ**

Джон Перри Барлоу

**ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ
КИБЕРПРОСТРАНСТВА**

Март 2010

Глобализация не хороша и не плоха,
и своего лица пока что не имеет.

Мы создаём его.

Глобализации душа от нас зависит,
нашим духом зреет.

Когда мы злы, друг другу недоступны,
оскалится на нас наш новый мир,
когда просты, заботливы и добродушны,
окутает добром нас как эфиром.

Что выберем?

Куда стопы направим? Осуществим мечты?

А может навсегда мы их оставим?..

Себя мы предавали много раз

в угоду внешнему,
спасёмся ли сейчас?

Наталья Гай

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

*Человек человеку вау – и не
человеку, а такому же вау. Так что в проекции на
современную систему культурных координат это
латинское изречение звучит так: Вау Вау Вау!
Виктор Пелевин*

“Matrix has you” – эта фраза из кинофильма “Матрица” имеет не просто выдумка сценариста, а научная философская метафора. В настоящее время появился ряд концепций, в которых говорится, что современное общество погрузилось в виртуальную реальность (квазиреальность, гиперреальность, симулякрум...). Что лежит за этим высказыванием в духе science fiction? Прежде чем вести разговор о гиперреальности, необходимо обрисовать общую картину изменений, происходящих в современном обществе.

Переход к постиндустриальному обществу: характерные черты

Ещё в прошлом веке теоретики заговорили о том, что наступает новая эпоха. На смену индустриальному приходит постиндустриальное, информационное общество. Этот процесс развернулся не совсем так, как предсказывали учёные–постмодернисты. Тем не менее, основные атрибуты постиндустриальной эпохи налицо. Перемены затрагивают все стороны жизни общества: экономику, политику, научное познание, социум, личность

Представители теории перехода к постиндустриальной эпохе “считают главным фактором современного социального развития научно–технический прогресс, определяющий создание информационных технологий, формирование наукоёмкого, энерго– и ресурсосберегающего, экологически чистого производства”.

Экономика постиндустриального общества характеризуется преобладанием сферы услуг над производством товаров. В США в 1990–х более 65% рабочей силы было в обслуживании, около 30% в производстве, около 5% в сельском хозяйстве. Также предполагается расширение “неприбыльного сектора”. Основное направление – от расширения в профессиональной и технической работе к расширению государственных услуг, особенно в сферах образования, здоровья и благосостояния.

Информационное общество было названо таковым, потому что информация становится ключевым фактором жизни в постиндустриальном обществе. Известный социолог–постмодернист Жан–Франсуа Лиотар писал об этом: “В последние десятилетия знание стало главной производительной силой, что ощутимо изменило состав

активного населения в наиболее развитых странах и составило основное затруднение для развивающихся стран. В постиндустриальную и постсовременную эпоху наука сохраняет и, несомненно, усугубляет свою важность в совокупности производительных способностей национальных государств. В форме информационного товара, необходимого для усиления производительной мощи, знание уже является и будет важнейшей, а может быть, самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть”.

Инфраструктурой информационного общества является новая “интеллектуальная”, а не “механическая” техника. Социальная организация и информационные технологии образуют “симбиоз”. Общество вступает в “технетронную эру”, когда социальные процессы становятся программируемыми.

Вследствие такого усиления значения информации, уровень знаний, а не собственность, становится определяющим фактором социальной дифференциации. Деление на “имущих” и “неимущих” приобретает “принципиально новый характер: привилегированный слой образуют информированные, в ту пору как неинформированные – это “новые бедные”.

Ещё одна характерная черта постиндустриального общества – это размывание границ, плюрализм и эклектизм. В качестве примеров этой тенденции можно привести теоретический плюрализм в науке (принцип “можно всё”), эклектизм в потреблении (описанное Лиотаром нарушение задаваемой институциональными нормами однозначности связи между экономическим статусом и стилем потребления).

Эклектизм, характерный для Постмодерна прекрасно иллюстрируют слова Лиотара: “Эклектизм есть отправка точка современной культуры в целом: человек слушает реггей, смотрит вестерн, ест пищу от McDonald's за ланчем и блюда местной кухни за ужином, пользуется парижской парфюмерией в Токио и носит одежду в стиле “ретро” в Гонконге; знание – это материал для телевизионных игр”.

Американский социолог Бауман писал о том, что “постмодернистская ментальность позволяет индивидам преодолевать власть структур, характерную для общества модерна, которая задавала вполне определенные жизненные ориентиры. Более того, постмодернистская ментальность даёт индивидам также возможность выйти за пределы влияния социальных структур. Это позволяет им лучше реализовать свой интеллектуальный потенциал вне зависимости от социального происхождения”.

Людей с постмодернистским мышлением учёный называл “интерпретаторами”. Бауман считал, что “они переводят, точнее, делают доступными идеи одного сообщества для восприятия другим сообществом; они не ориентированы на выбор “лучших идей”, их цель – обеспечить коммуникацию между автономными сообществами; интерпретаторы стремятся предотвратить искажение в процессе коммуникации; для этого

они развивают глубокое понимание той системы знания, которую необходимо адаптировать для восприятия другими”.

Некоторые учёные считают, что вдобавок к перечисленному человек постмодерна, обладает изрядным цинизмом. “Цинизм здесь – это усилие освободиться от модернистских ценностей (свободы и прогресса), овеществленных в социальных институтах, посредством модернистских же социальных технологий”.

Изменяется характер коммуникации между людьми. Если в эпоху Модерна люди общались больше непосредственно друг с другом, то в Постмодерне межличностное общение, как индивидуальное, так и коллективное, всё более опосредуется техникой – телевидением, Интернетом и т.д. Раньше круг общения представлял собой относительно замкнутую общность людей, проживающих на компактной, достаточно чётко очерченной территории, теперь ситуация меняется. Коммуникационные процессы связывают людей совершенно независимо от их территориального местонахождения. Порой о событиях на другом континенте люди имеют больше информации, чем о происшествиях на собственной улице, а круг регулярного общения всё большего числа людей составляют не соседи по лестничной клетке, а участники электронных конференций в Интернете.

Таким образом, перестают совпадать физические и реальные границы человеческих сообществ. Эта особенность – всего лишь одна из составляющих всеобъемлющего процесса глобализации, который неразрывно связан с переходом к постиндустриальной эпохе и виртуализацией общества.

Многие учёные приходят к мысли, что размывание границ и иные процессы, сопутствующие переходу к информационному обществу разрушают социум. Своими рассуждениями о конце социального известен Бодрийар. “Социальное мертво, – пишет философ, – рациональная социальность договора, социальность диалектическая уступает место социальности контакта, множества временных связей, в которые вступают миллионы молекулярных образований и частиц, удерживаемых вместе зоной неустойчивой гравитации и намагничиваемых и электризуемых пронизывающим их непрекращающимся движением”. Бодрийар заявляет, что “социальное, во-первых, разрушается – тем, что его производит (средствами информации и информацией), а во-вторых, поглощается – тем, что оно производит (массами)”.

С идеей разрушения социального соглашаются и другие учёные. Например, современный русский социолог Иванов пишет о том, что в первую очередь “подвергаются испытанию социальные институты”.

Таким образом учёные приходят к выводу, что “общество развеществляется: оно становится эфемерным, абсурдным, ирреальным, но продолжает существовать”. На смену социальной приходит другая, виртуальная, реальность. “В эпоху Постмодерна сущность человека отчуждается уже не в социальную, а в виртуальную реальность”.

Виртуальная реальность

Вообще, под виртуализацией понимается “замещение реальных вещей и поступков образами – симуляциями”. Например, у А. Бюля, виртуализация – это технический процесс создания виртуального общества, как “параллельно” существующего с реальным обществом. Виртуализация в таком случае – это любое замещение реальности её симуляцией/образом – не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности”.

Применительно к обществу в целом, виртуализация предстаёт не как единый процесс, а скорее – как серия разнородных, но направленных сходным образом тенденций в различных сферах жизнедеятельности. Причём человек постоянно переходит из одной реальности в другую.

Чтобы подробнее разобраться, что представляет собой виртуальная реальность, введём одно ключевое в этой области понятие – симулякр. Бодрийяр понимал под симулякрами знаки или образы, “отрывающиеся по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, к которым они изначально относились, и тем самым выступающие как подделки, уродливые мутанты, фальсифицированные копии, не соответствующие оригиналу”. При этом философ выделял 4 вида симулякров:

- 1) символ, отражающий сущностную характеристику реальности;
- 2) символ, маскирующий и искажающий сущность реальности;
- 3) символ, скрывающий отсутствие сущности реальности;
- 4) не соотносящийся с реальностью вообще, представляет лишь подобие или видимость чего-либо.

Социальная роль симулякров – “создавать замещение реальных предметов и явлений там, где они недоступны или малодоступны человеческому восприятию. Например, значительная часть нашего населения не воспринимает адекватно ни государственные органы, ни партии, ни депутатов, ни их сложные идейно–программные позиции. Но у каждой группы населения есть своя символическая квазиреальность со своим языком понятий и представлений.

Компенсаторная функция символических универсумов защищает человека от “предельного ужаса” перед непонятным, огромным и враждебным в жизни общества”.

При виртуализации общества символы начинают играть всё большую роль. Причём возрастает количество симулякров четвёртого типа, то есть чистой фикции.

Люди формируют определённый образ себя, “имидж”, чтобы предьявлять его окружающим и в процессе общения, в свою очередь, имеют дело образами других. То, что мы потребляем, зачастую не являются предметами в собственном смысле слова, а лишь знаками. Основой дифференциации людей становятся потребляемые ими знаки.

“Символы, имеющие концентрированное выражение в коде, становятся абсолютно индетерминированы, относительноны от реалий окружающего мира. В итоге разрушается и отмирает связь между символами и реальностью. Обмен между символами происходит

относительно друг друга, но не между символами и реальностью. За символами не стоит ничего конкретного. Так стирается грань между реальностью и вымыслом, между истиной и заблуждением. Реальность и истина, как считает Бодрийяр, просто перестают существовать”.

Символический обмен приводит к утверждению “гиперреальности”. Под гиперреальностью Бодрийяр понимает симуляции чего-либо. Социолог добавляет при этом, что гиперреальность для стороннего наблюдателя “более реальна, чем сама реальность, более правдива, чем истина, более очаровательна, чем само очарование”.

Огромную роль в формировании гиперреальности играют СМИ. Некоторые учёные считают, что этот факт даёт СМИ огромную власть над обществом. Бодрийяр доказывал, то СМИ и массы взаимовлияют друг на друга. “Они начинают с того, что господствующему коду противопоставляют свои особые субкоды, а заканчивают тем, что любое приходящее к ним сообщение заставляют циркулировать в рамках специфического, определяемого ими самими цикла. Масса-медиум гораздо более мощный, чем все СМИ, вместе взятые. Следовательно, это не они её подчиняют, а она их захватывает и поглощает или, по меньшей мере, она избегает подчиненного положения. Существуют не две, а одна-единственная динамика – динамика массы и одновременно СМИ. Mass(age) is message”.

В современном обществе “экономический, политический, научный или иной успех больше зависит от образов, чем от реальных поступков и вещей, образ более действенен, чем реальность.

Социальные институты – рынок, корпорация, государство, политические партии, университет и т.д., перестают быть социальной реальностью и становятся реальностью виртуальной”

Бодрийяр называл гиперреальность большим спектаклем. “Массы – это те, кто ослеплен игрой символов и поработен стереотипами, это те, кто воспримет всё, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным Они отвечают на вопросы именно так, как от них требуется. Спектакль, воспринимаемый как полуспортивный-полуигровой дивертисмент, в духе завораживающей и одновременно насмешливой старой комедии нравов”.

Человек сознаёт условность виртуальной реальности, но увлеченно “живёт” в ней, сознавая управляемость её параметров и возможность выхода из неё.

Человек погружается в виртуальную реальность, поддаваясь императиву виртуализации, “своего рода воле к виртуальности, которая трансформирует все сферы жизнедеятельности, как они сложились в процессе модернизации.

Тот, кто успешно манипулирует образами или просто вовлечен в этот процесс, всегда приобретает относительно высокий социальный статус и в собственных практиках следует императиву виртуализации общества.

Тот, чьи практики ориентированы на представление о реальности общества, с большей вероятностью оказывается в нижних слоях стратификационной пирамиды”.

Иллюстрации виртуализации

Чтобы доказать, что современное общество действительно виртуализируется и проиллюстрировать этот процесс приведу несколько примеров.

Потребление

В наше время потребление является систематическим актом манипуляции знаками. Чтобы стать предметом потребления, предмет изначально должен стать знаком. “В условиях массового производства и массового потребления в качестве товара выступает прежде всего знак. Социальный статус товарного знака определяет, каких денег стоит вещь, не указывая на её реальные свойства и на затраты труда по её производству. “Происхождение” предложения ныне обеспечивается рекламой. Реклама создаёт образ товара или фирмы. Именно эти образы, а не реальные вещи обращаются на постмодернистском рынке. Физический объект рекламы перестает быть означаемым и становится “означающим” по отношению к рекламируемому образу”.

Политика

Борьба за политвласть сейчас – это не борьба партийных организаций или конкуренция программ действий. Это борьба образов политимиджей, которые создают рейтинг. В ходе выборов больше не происходит сколько-нибудь существенная смена чиновников-экспертов, которые осуществляют рутинную работу по управлению в “коридорах власти”. Меняются так называемые публичные политики, то есть те, кто буквально работает на публику.

Психология

Чтобы показать, насколько виртуализируется общение между людьми, приведу лишь цитату из книги психолога Эрика Бёрна “Игры, в которые играют люди”.

“Различные варианты одной и той же игры могут на протяжении нескольких лет лежать в основе семейной и супружеской жизни или отношений внутри различных групп. Утверждая, что общественная жизнь по большей части состоит из игр, мы совсем не хотим этим сказать, будто они очень забавны и их участники не относятся к ним серьёзно.

Существенной чертой игр людей мы считаем не проявление неискреннего характера эмоций, а их управляемость. Это становится очевидным особенно в тех случаях, когда необузданное проявление эмоций влечёт за собой наказание. Игра может быть опасной для её участников. Однако только нарушение её правил чревато социальным осуждением”.

Индивидуальность vs виртуализация

Итак, в современном обществе люди живут и взаимодействуют в виртуальной реальности. Сложно поспорить с тем, что любой виртуальный мир пленяет, ограничивает человека. Здесь мы имеем дело с противоречием. Теоретики постмодернизма считали, что человек из информационного общества будет более свободным, независимым от норм индустриального общества, обретающим свою индивидуальность. Кроме того, в последнее время во всём мире культивируется уникальность человеческой личности, право каждого на выбор своего жизненного пути. Но разве это возможно в рамках виртуальной реальности?

Сознаюсь, мне не хватило материала для анализа этого вопроса. Но, судя по всему, большинство людей свободны лишь в рамках виртуальной реальности. Приведу несколько доказательств данной точки зрения.

Информация в постиндустриальном обществе должна служить опорой независимости человека. Но ещё Бодрийар сказал, что массам не важен смысл информации – лишь её наличие. Иванов пишет по этому поводу: “Информация операциональна. Информация служит обоснованием/оправданием действий симуляционных технологий – технологий виртуальной реальности. В результате наращивания оперативной памяти и быстродействия компьютеров, а также создания нового программного обеспечения возникают не только качественно новые формы передачи и обработки данных, но в первую очередь достигается всё большее сходство между работой на компьютере и управлением реальными объектами, а также сходство коммуникаций в режиме online с общением в реальном пространстве–времени”. Таким образом, информация лишь укрепляет виртуальную реальность.

2-е доказательство служит одновременно иллюстрацией настоящей проблемы. Речь идёт о свободе выбора в потреблении. Современный рынок предлагает нам огромный ассортимент товаров, который создаёт перед нами иллюзию свободы выбора.

Но на деле все эти товары обладают “маргинальным”, не затрагивающими сути, различиями. “В нашем обществе вам “априори” даётся право выбора как некая коллективная благодать и как знак вашей формальной свободы. На такой негативной свободе зиждется “персонализация” вещей. Наша свобода выбора заставляет нас волей–неволей вступать в систему культуры. Таким образом, выбор лишь кажущийся: мы переживаем его как свободу, но гораздо меньше ощущаем, что он нам навязывается,... но главное – **самим фактом своего выбора вы связываете свою судьбу с экономическим строем в целом**”.

Итак, виртуальная реальность предоставляет человеку ряд механизмов, с помощью которых он может почувствовать себя независимым. Человек стремится обрести свою индивидуальность, стать свободным, но при этом обычно не выходит за рамки виртуальной реальности, в которой живёт.

Заключение

Завершая описание процесса, названного виртуализацией общества, признаю, что данная статья, хотя и прояснила истоки и суть гиперреальности, поставила больше вопросов, чем дала ответов. Перечислим основные из них:

1. Итак, мы “погружены в Матрицу”, живём в виртуальной реальности. Но кто управляет этой реальностью? Сомневаюсь, что машины с искусственным интеллектом. Кто-то ответит, что гиперреальностью управляют отдельные группы людей – обладающие инфо или деньгами. Бодрийар считал, что гиперреальность – саморегулирующаяся система. Есть и другие варианты ответов, но ни один из них не является бесспорным.

2. Иванов и другие учёные признавали, что люди осознают иллюзорность виртуальной реальности. Почему же тогда они не пытаются выйти из неё? Так же можно предположить несколько причин, некоторые из которых упоминались в эссе. **Один из ответов – люди боятся слишком неопостижимого для них реального мира. Другой – ими управляет некий императив, желание вписаться в общественную жизнь и добиться успеха.**

3. Наконец, даже если мы захотим – сможем ли мы выйти из гиперреальности? На этот вопрос я действительно не знаю ответа.

Литература:

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. – (www.bibliion.ru).
2. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства. – (www.anthropologia.spbu.ru).
3. Бодрийар Ж. Система вещей. – (www.highbook.narod.ru).
4. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
5. Кравченко С.А. Социология: Парадигмы через призму социологического воображения. – М., Экзамен, 2002.
6. Краткий философский словарь. Под. ред. Алексеева А.П. – М., Проспект, 2001.
7. Лиотар Ж. –Ф. Состояние постмодерна. – (lib.ru).
8. Сивирнов Б.С. Социальная квазиреальность или виртуальная реальность? – (www.ecsocman.edu.ru).

2006

ФОРМЫ ПОМОЩИ В ПРОЦЕССЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ

I. Уравнивание потребностей как проблема

Под "помощью" следует понимать, прежде всего, вклад в удовлетворение потребностей другого человека. Более чёткое ограничение понятия зависит от контекста и цели исследования. Социологическое исследование действий по оказанию помощи не может исходить ни из морали, ни из психологии. Оно не стремится обосновывать, должен ли один человек помогать другому (и если да, то при каких условиях), и не пытается объяснять мотивы помощи, обращаясь к психическим структурам обработки впечатлений. Мы исходим из того, что помощь может быть оказана только тогда, когда она ожидаема и только в той мере, в какой она ожидаема.

Подобное утверждение может показаться странным. Исходя из определённых культурных традиций, мы привыкли связывать с представлением о помощи нечто добровольное, спонтанное, нечто даримое и неожиданное. Однако такие ассоциации сами являются выражением определённого состояния общества и поэтому относительно. Для начала нужно исходить из того, что **только ожидаемое действие может быть элементом социального взаимодействия**, быть в нём понятым и вызывать соответствующую реакцию. "Помощь" ли это, если кто-то посылает профессору книгу? Если полицейские остановили свою машину с включёнными фарами перед автомобилем, у которого лопнуло колесо, и наблюдают за его заменой? Если экзаменатор задаёт студенту всё более и более лёгкие вопросы или если начальник приглашает своего ближайшего сотрудника на кружку пива? Абстрактно судить об этом трудно. Всё зависит от того, как определяют ситуацию сами её участники, а также от их ожиданий в отношении действий, мотивов и ожиданий противоположной стороны.

Помощь определяется и регулируется структурами взаимных ожиданий. Для этого необходимо наличие определённых культурных типов и предварительного взаимопонимания, благодаря которым, участники либо могут понять друг друга, либо нет. Определение ситуации состоит в том, чтобы использовать такие типы или отвергнуть; оно происходит путём допущения, предложения и принятия, изменения, уклонения или отклонения типичных ожиданий. Неоказание помощи в ситуациях, в которых её можно было бы ожидать, также объясняется тем, что из присутствующих никто конкретно её не ожидал, либо тем, что тот, кто был способен помочь, ожидал, что никто его помощь не ожидает. Поэтому социологический вопрос о функции и целесообразности помощи

в социальных системах следует рассматривать как многослойный: с одной стороны, он связан с наличием круга конкретных типов ожиданий для определения ситуаций (что включает более или менее ясное представление обеих сторон о направленности последующих действий), с другой – с фактическими ситуациями, в которых подобные типы могут быть применены.

Эта концепция оставляет совершенно открытым вопрос о том, как понимается помощь в различных обществах, каким образом она институционализируется и оказывается. Более узкое понятие ограничило бы – ввиду многообразия проявлений – доступ к важным фактам и возможности их сравнения. Но, несмотря на это многообразие, можно всё-таки предположить, что в основе всех видов помощи лежит одна общая проблема, и что многообразие форм помощи, открытое сравнительными историческими и этнологическими исследованиями, объясняется тем, что **эту проблему приходится решать в чрезвычайно разных условиях. Взаимопомощь среди людей всегда связана с проблемой уравнивания потребностей и возможностей их удовлетворения во времени.** Но не все действия и учреждения, имеющие отношение к этой проблеме, будут квалифицированы, пережиты, институционализированы как помощь. Что в каждом конкретном случае означает помощь, и какие формы она принимает – форму морального требования, общественного института, организуемой программы или просто естественного поступка, – зависит от того, в контексте каких общественных устоев решается общая проблема временного уравнивания потребностей.

В принципе можно констатировать, что проблема уравнивания потребностей во времени не является чисто временной проблемой; она возникает лишь вследствие того, что множество живущих вместе людей испытывает множество потребностей. Со структурной и эволюционной точек зрения, в этом факте важно то, что каждый отдельный человек тоже испытывает предметно разные потребности, поэтому многообразие потребностей не совпадает со множеством личностей. Следует различать социальное и предметное измерения – то есть, "чья" эта потребность и "что" это за потребность. Отсюда возникают и сама проблема уравнивания потребностей во времени, и возможность её решения. При такой структуре не приходится рассчитывать на то, что *одни и те же* потребности всех людей станут насущными в *одно и то же время*. Скорее, когда один человек голоден, другой хочет отремонтировать свой дом, выдать замуж дочь, повысить престиж или навредить врагам. Лишь такое **различение социального и предметного измерений создаёт то напряжение, в котором осознаются возможности уравнивания потребностей.**

Если бы различия во времени не были преодолимы, то стыковка поддающихся уравниванию потребностей оставалась бы, с точки зрения социальной системы, делом случая. Она зависела бы от того, осознаются ли участниками ситуации потребности и возможности их удовлетворения как дополняющие друг друга в одно и то же время. Представить себе такое

событие, конечно, можно, но в действительности оно почти невероятно. За время ожидания столь уникального стечения обстоятельств рухнула бы любая социальная система. Иначе говоря, социальные системы не могут строиться на чисто случайной взаимности. Социальная связь в системе требует временного измерения. Чтобы повысить шансы установления взаимоотношений и сделать их независимыми от случая, социальные системы должны держать часть потребностей в состоянии ожидания удовлетворения, а возможности удовлетворения растягивать во времени.

Из этих предварительных размышлений следует, что временная ось социальных систем несёт на себе координационные проблемы, корни которых – во множестве личностей и многообразии их потребностей. Далее, можно сделать вывод, что требование учитывать фактор времени будет зависеть от этого исходного положения дел и меняться в ходе общественной эволюции по мере того, как – в силу тех или иных исторических причин – число координируемых личностей и потребностей будет увеличиваться, а комплексность общественной системы возрастать.

Действительно, этнологические и исторические исследования говорят о том, что представления о времени меняются вместе со структурой общества. Например, правовые формы обязательств на будущее впервые были выработаны лишь в высокоразвитых культурах античности, и процесс их выработки шёл очень медленно, а гипотеза о будущем, принципиально открытом для других возможностей, появилась лишь в Новое время. В этом контексте мы и ставим вопрос о функциях помощи в процессе изменения общественных условий.

II. Функциональные изменения в ходе общественной эволюции

Для общего представления достаточно различать три типа обществ, сменяющих друг друга в ходе общественной эволюции.

Архаические общества – малоразвитые общества, дифференцированные на равные единства-сегменты по принципу родства или совместного проживания. Это системы малой комплексности с разделением труда главным образом на основе половых и возрастных ролей. В них либо вовсе нет политического господства, либо оно только формируется.

Общества высокой культуры – более крупные и комплексные общества, в некоторых отношениях им уже знакомо функциональное разделение, прежде всего особые ролевые системы в сферах религии и политического господства, возникающие из архаического родового порядка. Для них характерны города, где по большей части произошло экономическое разделение труда. Иногда они образуют огромные империи. В них уже есть ярко выраженное разделение социальных слоев, и часть населения, по крайней мере, правящие круги, ориентируются на генерализованные символические структуры космически-религиозной веры.

Современное общество – общество, постепенно охватывающее весь населённый мир в одну гигантскую социальную систему. Структурно, оно в значительной степени основано на функциональном разделении, прежде всего таких областей, как политика, экономика, научное исследование и интимная сфера семьи. Этим достигаются возможности абстрагирования, с помощью которых оно может индустриально-технически перестроить свои отношения с естественной окружающей средой, добившись более высокого уровня относительной независимости. Оно создаёт уже необозримое во всей своей полноте и неподвластное центральному контролю многообразие возможностей переживаний и действий, ускоряющих общественные изменения в дотоле неведомых истории масштабах.

Если верны наши исходные гипотезы о том, что заметные изменения в величине и комплексности общественной системы меняют её временные горизонты и что социальные институты помощи связаны с временным уравниванием потребностей и возможностей их удовлетворения, то следует ожидать, что указанные выше типы обществ придадут взаимной помощи различное значение в зависимости от того, насколько временное уравнивание потребностей может быть осуществлено в форме помощи и этим мотивировано. В трёх кратких рассуждениях мы попытаемся показать, что это действительно так.

1. Архаические общества: Растяжимость благодарности.

В архаических обществах мы встречаем условия, придающие взаимной помощи как социальному институту и нормативной обязанности чрезвычайно важное значение. Жизнь вращается вокруг удовлетворения относительно небольшого числа известных всем основных потребностей. Ситуации и возможные беды всем хорошо известны, все друг друга знают. Как подтверждают современные социально-психологические исследования, это облегчает оказание помощи. Набор действий в оказании помощи ограничен и также хорошо известен. Опасности, исходящие от окружающей среды, напротив, велики и для общества случайны. Поэтому потребности и возможности действий как внутреннее дело общества предвидимы – в отличие от перемен в окружающей среде, меняющих ситуации с потребностями. Кроме того, у общества мало времени, ибо его основные потребности находятся под непосредственной и непредсказуемой угрозой со стороны окружающей среды. В таком положении общественная система требует и делает возможной как бы малоформатную институционализацию фактора времени – создание социального института личной взаимопомощи между членами рода.

Это положение подобно тому, что было описано в начале нашей статьи: множество личностей испытывает множество потребностей, которые актуализируются у каждого отдельного человека в разные моменты времени. Проблема заключается в том, чтобы уравнивать их во времени, за счёт чего могли бы быть расширены внутриобщественные

возможности установления взаимоотношений и создана система, более способная к самосохранению в окружающей её среде. Поэтому неудивительно, что создание социального института устойчивой во времени взаимности становится ядром морально-правовой структуры общества: она тесно связана с магически-религиозными представлениями, являющимися, по сути, функциональным эквивалентом предвидения. Формы, в которых оказание помощи становится социальным институтом и увязывается с прочими структурными требованиями в отдельных обществах, весьма разнообразны. Архаические общества представляют собой огромное экспериментальное поле общественной эволюции, где для ограниченного числа структурных проблем независимо друг от друга вырабатываются, как бы в виде пробы, самые различные функционально эквивалентные решения. Тем не менее, кристаллизуются определённые типы таких форм, равно как и сравнимость вытекающих из них проблем, поскольку лишь немногие из этих решений могут быть стабилизированы.

Взаимная помощь играет в формировании архаических социальных институтов исключительно важную роль. С генетической точки зрения, она обладает большим преимуществом, ибо способна реализовываться, практически не имея институциональных предпосылок, и затем закрепляться по "принципу малых дел". Если иметь в виду такой способ её происхождения, то не удивит и второй важный момент: **в архаических обществах нет осознанной институционализации взаимности как таковой, как формы связи "услуга за услугу" – по типу договора.** Мы встречаем институционализацию обязанности помогать, либо отдавать излишки, существующую независимо от институционализации обязанности благодарить. Помощь в удовлетворении потребностей рассматривается в соответствующей ситуации как дар и как таковой ожидается. Услугу невозможно объективно оценить или сравнить в отрыве от ситуации и личности помогающего – да это и не нужно. Она оказывается без какого бы то ни было представления о взаимной договорённости, то есть без промежуточного включения мысли о взаимном отношении условий помощи и ответной благодарности. Разумеется, это не исключает того, что мотивы одной услуги переходят на другую. Но само отношение не нуждается в том, чтобы его представляли, узаконивали, подвергали проверке на справедливость – для этого часто нет даже языковых возможностей.

Смысл такой на редкость конкретной организации объясняется не только ограниченными возможностями языковых и понятийных средств "примитивных" народов. В данных условиях она в высшей степени целесообразна из-за способности к приспособлению. Помощь в форме обязанности помогать, отдавая излишки, оказывается тогда и только тогда, когда излишки есть. Обязанность отблагодарить остаётся неопределённой и выполняется с учётом потребностей и условий: она может принять форму ответной экономической услуги, работы, подчинения, выражения почтения, содействия в борьбе либо как-то иначе

– то есть может осуществляться через все функциональные сферы общества. Благодаря тому, что побуждение к уравниванию потребностей не имеет конкретных форм выражения (кроме как в случае наличия излишков) и обязанность благодарить тоже никак не конкретизирована, социальный институт помощи приобретает высокую эластичность и малую чувствительность к помехам. Такое регулирование позволяет приспосабливаться к флуктуациям конкретной насущной потребности, избегать переноса помех в оказании помощи на ответные действия по чисто правовым основаниям и интегрировать все функциональные сферы посредством объединяющей их обязанности к благодарности.

Тем не менее, в такой форме потребность в помощи не может быть удовлетворена полностью, ибо мотивирована особой социальной близостью родного дома, соседей, деревни, племени, рода и этим ограничена. Поэтому в качестве структурного противовеса во многих архаических обществах появляются добровольно устанавливаемые отношения между двумя людьми для оказания друг другу необычной помощи, которые могут принимать оттенок личной дружбы, известной нам по Илиаде. Однако с точки зрения доминирующих общественных структур, они представляют собой искусственные конструкции, способные выполнять компенсаторную функцию лишь до тех пор, пока **необходимое уравнивание потребностей** осуществляется только в отдельных сегментах общества.

Слабости архаических структур обнаруживаются и достигают критической массы по мере возрастания комплексности общества, когда возникает необходимость координировать большее число личностей с более разнообразными потребностями. Одним из поворотных пунктов дальнейшего развития является то, что институционализированная обязанность отдавать излишки затрудняет накопление капитала: нужно делиться, устраивать праздники, в некоторых случаях тратить личные средства.

Всё это, конечно, повышает престиж, способствует признанию способности руководить, появлению чувства благодарности, но не обязательно гарантирует обратный приток капитала. *Обязанность делиться излишками терпима только до тех пор, пока экономика не позволяет аккумулировать устойчивый во времени капитал.*

Другая проблема вытекает из неопределённости обязанности выражать благодарность. Тот, кто принимает помощь, невольно сталкивается с непредсказуемыми ожиданиями того, кто ему эту помощь оказывает. Чем больше возможностей создаёт общество, тем большей проблемой становится растяжимость благодарности и тем более непредсказуемым становится её распространение на другие функциональные сферы. Человек, попав в беду, принимает в подарок плащ, а позднее, став императором, сталкивается с требованием предоставить за это наместничество над целым островом.

Подобные обязательства приемлемы лишь в малом, когда диапазон ответной благодарности ограничен. Общества большей комплексности

вынуждены разрабатывать инструменты для уточнения и ограничения обязанности ответной благодарности – например, договорное соглашение.

2. Общества высокой культуры: эксплуатация благотворителей.

Лишь немногие архаические общества, опираясь на способствующие развитию начатки институционализации, двигаются по направлению к высокой культуре, которая существенно меняет условия временного уравнивания потребностей и тем самым институционализации помощи. Перемены заключаются, с одной стороны, в резко возрастающем продуктивном разделении труда в сельском хозяйстве, ремесле, торговле и, с другой стороны, в распределении продукта по социальным слоям. Возникающее в результате этого социальное напряжение требует установления политического господства над архаическими родовыми союзами и домами – господства, у которого наготове учреждения и процедуры для разрешения правовых вопросов, которое воспринимает и защищает каждого отдельного человека, по крайней мере в правовых вопросах, как индивидуума. В целях обоснования господства, социального расслоения и индивидуальности возникают генерализованные нормативные представления, сведённые воедино в космически-религиозной морали.

Следствием такого состояния общественной системы становятся необходимость, а также средства и отправные пункты для нового понимания помощи. Благодаря разделению труда и социальному расслоению исчезает существенный элемент мотивации к непосредственной взаимопомощи: обратимость социальных положений. Случаи, когда помогающий помогает потому, что он сам может попасть в положение того, кому он помогает, становятся всё более редкими и в структурном плане менее значимыми – не важно, мотивирован ли помогающий надеждой на ответную благодарность или способностью видеть самого себя в положении другого. Мотивация к взаимной услуге отделяется от помощи и стабилизируется в форме договора. С этого момента связь между помощью и благодарностью ослабевает, нуждаясь в праве, но её полного разрыва не происходит. Право и благотворительность берут на себя разные функции в стабилизации различий в социальном положении. Мотивация к помощи создаётся теперь окольными путями и передаётся через культуру. Точки приложения для этого находятся в эволюционных достижениях высокоразвитых культур: в индивидуализации личности и генерализации морали, определяемой религией. Архаическое ролевое требование щедрости возводится в высокую добродетель. Помощь мотивируется теперь индивидуалистической моралью (хотя и не становится, в современном смысле, только внутренним делом субъекта). Она понимается как добрый поступок и направляется сверху вниз, соответственно иерархии социальных слоёв. Прототип и разработанную догматику такого понимания помощи мы находим в ключевом слове

"милостыня". С этого начинается вытеснение проблемы на социальную обочину и маргинализации помощи, освобождение помогающего от обязанности помогать. Он должен теперь действовать добровольно, но всё-таки – должен, ибо одновременно появляются генерализованные религиозные образцы мотивации, к которым нуждающиеся в помощи могут более или менее настойчиво апеллировать. Бедный не только спекулирует на религиозном стремлении богатого к спасению – он прямо обращается к его совести, преграждая ему дорогу и давая возможность совершить добрый поступок. Между тем при всей индивидуализации помощь остаётся делом общественным – её требуют, оказывают или отвергают прилюдно, то есть в условиях общественного контроля.

В такой форме, несмотря на разрыв взаимности, помощь оказывается возможной в обществе, разделённом на социальные слои. Взаимность предстаёт уже не в форме ожидаемой ответной услуги, а лишь в генерализованной форме признания социального положения, особенно разницы в общественном статусе. Генерализация морали подкрепляется генерализованным признанием социальных позиций. Благодаря этому устраняются те неудобства, которые может вызвать распространение обязанностей к помощи и благодарности на все функциональные сферы. Поэтому социально обусловленный порядок помощи (сверху вниз) лучше совместим с функциональным разделением, тем более что свобода принятия решений в верхах возрастает. Помощь перестает быть механизмом *конституирования* социального статуса, как это имеет место в элементарных социальных взаимодействиях или архаических обществах. Она лишь выражает соответствующий социальному слою статус, является его символом, сословной обязанностью, а в домашне-патримониальных отношениях также попечительской ответственностью. Помощь становится своеобразным обычаем, выполняющим функцию перепускного клапана между различными соцслоями. До нас дошла масса преданий о рыцарской щедрости и аристократической заботе о бедных и немощных – документов, имеющих характер образца и призванных воспитывать. Однако вопрос о помощи в более широком социально-политическом смысле, выходящим за пределы отдельных случаев, не ставился.

Один из вариантов такого решения проблемы – классический тип *профессии*, например, священника, врача, юриста. Профессии образовались для оказания помощи в необычных ситуациях, прежде всего, когда возникал риск для жизни, скажем, в непримиримой ссоре, при появлении страха, угрозе смерти. Они предлагают решения и обеспечивают безопасность посредством специальной технологии обращения с подобными проблемами (причем те, кто эту технологию применяет, сами подвергаются не полному риску, но лишь производному профессиональному риску), а кроме того, благодаря особой профессиональной, направленной на помощь морали и высокому социальному престижу, возвышающемуся над жизненными невзгодами, гарантируя в соответствующих ситуациях превосходство, свободу действий и неприкосновенность. Сюда же относится и притязание на то, что помощь

якобы не "оплачивается", а "вознаграждается гонораром", ибо оказывается не из собственных интересов помогающего. Эта характерная для классических профессий комбинация из подходов к проблемам, свобод и обязанностей типична для обществ высокой культуры и служит сегодня лишь красивой вывеской.

Общим для всех этих образцов поведения является апелляция к морально генерализированным ценностным основаниям и относительно устоявшемуся разделению общества на слои, чему способствует отделение помощи и её ожидания от специфически экономических и правовых форм обеспечения будущего. По мере развития экономики всё это порождает проблемы, которые снова меняют общественно-структурные условия помощи.

В эпоху Нового времени экономика выходит за границы домашнего хозяйства и занимает ведущее положение в обществе. Денежный механизм становится универсальным – в том смысле, что он опосредует практически все возможности удовлетворения потребностей. Забота о будущем может быть теперь сформулирована как забота о деньгах, и в этом смысле все приобретения, включая имущество и образование, "капитализируются". Капитал – и под этим понимается не "частный капитал", а платежеспособность вообще – заменяет благодарность как абстрактный функциональный эквивалент. Деньги становятся генерализированным средством помощи. Средневековая практика милостыни вступает в конфликт с экономическими требованиями образования капитала, причём не только с точки зрения финансовых интересов церкви. Начиная с Реформации, милостыня теряет доверие также и с моральной точки зрения, вероятно потому что **генерализация денег как средства помощи отвлекает внимание от конкретных потребностей и обращает его на мотивы того, кто эти деньги даёт**. Теория морали также подчёркивает равенство, взаимность и обратимость помощи и благодарности, отражая тем самым требование накопления капитала в состоятельных кругах. Те, кто к ним принадлежит, не подчиняются, как люди высокопоставленные и богатые, требованию делиться излишками, а получают возможность в качестве частных лиц делать пожертвования. Бедность рассматривается уже не как "святая бедность", ниспосланная богом судьба и повод для доброго поступка, а как фактор воспитания и мотив к труду. Аналогичный взгляд, более систематический и соответствующий социальной структуре, утверждается и в отношении помощи бедным. Она становится прерогативой государства и финансируется посредством налогообложения "излишков". Бóльшая абстрактность денежного капитала (прежде всего независимость его безопасности от личного отношения и соблюдения моральных обязательств) позволяет создать больше комбинаций, и **по мере увеличения комплексности общества такие комбинационные выигрыши становятся необходимым условием функционирования индустрии, торговли и управления**. Кроме того, абстрактность делает возможными и выигрыши во времени: уравнивание

потребностей распространяется на большее, в принципе неограниченное время, не зависимое от значимости событий. Удовлетворение потребностей сводится к проблеме распределения денег, механизмы и общественные структуры, решения которой оказываются прозрачными и уязвимыми.

Здесь следует учитывать и другую точку зрения: предпосылкой помощи является общезначимая интерпретация бедственных положений и того, какие средства помощи в каких ситуациях должны быть применены, то есть высокая степень согласованности мнений. Тот, кто нуждается в защите, обязан подчиняться указаниям, а стало быть, конституирует отношение господства; и наоборот, господин, нуждающийся в помощи своих подданных, едва ли может позволить себе пренебречь советом тех, кто ему помогает. Поэтому социальная близость рассматривается в значительной степени как моральное и когнитивное условие осмысленной помощи. Однако в новейшее время увеличение числа возможных потребностей и способов их возможного удовлетворения вкупе с универсальностью денежного механизма подорвали эту предпосылку. Вне сферы интимно-личных отношений вероятность совпадения мнений в конкретной форме "совета и помощи" стала ничтожно малой. Отношения взаимной помощи и благодарности – описанные Адамом Смитом и известные из культа дружбы XVIII в. – приватизируются и сентиментализируются. В таких условиях благотворительность становится завышенным требованием. Ликвидность денег наглядно показывает, что помощь может придти, откуда угодно: всегда найдутся "другие", у кого денег ещё больше. А квантификация денежного платежа делает помощь сравнимой и снижает её до минимума: всегда найдутся "другие", кто нуждается ещё больше. Абстрактная апелляция к моральной готовности помогать уже не соответствует жизненным ситуациям. Правда, на уровне общества в целом она ещё имеет смысл, поскольку исправляет ошибки в планировании и политические просчёты. Но в принципе она сводится к эксплуатации благотворителей. Помощи необходима новая, независимая от индивидуальных решений форма, а именно организация.

3. Современное общество: устранение проблемных случаев.

Характерной особенностью современного общества является то, что многие функции, которые раньше выполнялись на уровне всего общества, переходят к организациям (ввиду преимуществ, связанных с функциональным разделением и специализацией услуг). Чтобы понять это смещение функций, следует учитывать, что происходит смена уровней системообразования. Общественные системы и организованные социальные системы формируются по различным принципам, прежде всего на основе различных предпосылок и допущений относительно исходного порядка окружающей их среды. В то время как общественные

системы формируются в условиях неведомой, враждебной, чуждой и вообще любой, с физически-органической точки зрения, окружающей среды – создание организаций предполагает весьма упорядоченные отношения.

Благодаря этому организации могут добиться почти невероятного: например, одностороннего, долговременно дисциплинированного поведения, меняющегося по сигналу. Таким образом, они делают невероятное ожидаемым. В архаических обществах ожидания помощи и благодарности имели непосредственное отношение к структуре общества, конституировали саму ткань общественной жизни. В обществах высокой культуры помощь основывалась на морально генерализованной, упорядоченной в соответствии с социальными слоями структуре ожиданий, но в своём конкретном исполнении само общество уже не включала. В современном обществе всё обстоит иначе. Наше общество не основывается на взаимодействиях, которые можно было бы охарактеризовать как взаимопомощь, но и не интегрируется посредством соответствующих вероучений. Зато оно формирует окружающую среду, способную создать организованные социальные системы, специализирующиеся на помощи. Благодаря этому помощь становится услугой с недостижимым ранее уровнем гарантированности. Она расширяет горизонт уверенности в завтрашнем дне на неограниченное время в рамках организационных программ, предметное содержание которых может быть конкретно определено. Вместе с тем и общественные изменения влияют на организации, только уже не напрямую, а как перемены в окружающей их среде.

Эти перемены тонко чувствовал Георг Зиммель, однако он не сумел осмыслить их теоретически и подробно описал как бы в импрессионистском духе. Да, помощь бедным была и остаётся задачей локальной – но сегодня уже не ради самого локального жизненного сообщества, к которому бедняк принадлежит по божьей воле как призыв и повод для добрых дел, а ввиду коротких информационных путей и возможности быстро выяснить обстоятельства, необходимые для оказания помощи.

У современной теории организации есть и другие аргументы. Организация, занимающаяся "социальной работой" (как это сегодня называется), располагает не только *коммуникационными путями*, но также *персоналом* и *программами*. Персонал и программы суть не что иное, как структуры процесса принятия решений, посредством которых осуществляется управление и приспособление его специфических функций. При этом управление в зависимости от условий может переходить от одной структуры к другой и осуществляться то главным образом через персонал, то главным образом через программы.

"Профессионализация" социальной работы уже не затрагивает проблемы общественной системы, как в случае классических профессий. Референтность системы изменилась и здесь. Во-первых, речь идёт о притязаниях на престиж и заработную плату, реализуемых через членство

в организации, и, во-вторых, о формировании соответствующих этим притязаниям структур личности, а именно о мотивации и профессиональном образовании. Последние необходимы для процесса принятия решений, так как им нельзя управлять только через программы принятия решений. Поэтому изменения в системе профессионального образования (а именно ориентация на образование в вузе) всегда двойки: с одной стороны, они касаются притязаний на престиж и зарплату, с другой – предпосылок решений, принимаемых в организованной работе. Аргументом в пользу профессионализации помощи нередко служит мысль о "личной", по возможности "небюрократизированной" помощи, хотя организационные условия замещения программных предпосылок решений личными не уточняются. К тому же неопределённость программ отчасти компенсируется обучением тому, как следует оказывать помощь в отдельных случаях.

Несмотря на требования персонализации и профессионализации, главный акцент в социальной помощи сегодня делается на программы принятия решений, то есть на правила, по которым оценивается верность решений. В общем и целом, оптика программ определяет то, что осуществляется и что не осуществляется в социальной работе. Организованная социальная работа руководствуется теми точками зрения, согласно которым её результат будет принят и оценен позитивно, там же, где таких точек зрения нет, она их формирует. Всё это имеет множество следствий, и все их необходимо учитывать, чтобы составить представление о своеобразном стиле организованной соцпомощи.

Важным следствием является то, что теперь при оказании помощи надо принимать два решения: одно о программе в целом, другое о конкретном случае в её реализации. При этом компетенции в принятии решений могут быть распределены по-разному, а программы – частично или полностью основываться на отдельных случаях. Посторонним – тем, кто нуждается в помощи, – программа предлагается в виде готовой структуры: "Вы получите помощь только в том случае, если ...". Соответственно, нуждающимся в помощи, если они хотят использовать возможности организации, тоже приходится удваивать свой образ действий: они должны пытаться повлиять не только на принятие решения в конкретном случае, но и на принятие решения о программе помощи в целом. Для этого они должны сами организовать или, по крайней мере, делегировать своих влиятельных представителей.

Эффективность миссии последних основывается вовсе не на том, что они как люди также нуждаются в помощи. Самим представителям не обязательно быть бедными, слепыми или калеками, они должны ловко действовать в политической и организационной сферах – то есть **не испытывать потребность в помощи, а проявлять особые качества и способности**. Такая дифференциация окружающей среды является коррелятом внутреннего организационного разделения на программируемые и программирующие решения. Комбинация обеих форм разделения позволяет достичь недоступного для прежних обществ

повышения эффективности – правда, лишь в узких рамках того, что может быть организовано и запрограммировано.

Условия организуемости и программируемости, и вообще всё то, что составляет специфику организаций и программ, действуют как *факторы отбора*, и усиление их влияния приводит к эффектам *избирательного невнимания*. В той мере, в какой организационная среда определяет горизонт возможного, её характерные особенности становятся основой жизненного опыта и действия. В этих рамках решение помогать или не помогать – уже не вопрос сердечности, взаимности или морали, а вопрос методического обучения и интерпретации программы, осуществлением которой занимаются в ограниченное рабочее время. Перечень проблем, на какие организация гарантированно реагирует, готовят её собственные структуры. Выполнение программы мотивируется преимуществами членства в организации; средства на её реализацию – это по большей части деньги, получаемые оптом.

В таких условиях личные мотивы помощи становятся излишними, что приводит к высокой произвольности, управляемости и переменчивости направления в оказании помощи. Отправным пунктом деятельной помощи является уже не картина бедственного положения, а сравнение фактов и программы. Помощь в такой форме может быть надежно стабилизирована. Организационные условия возможного регулируют даже процессы восприятия. Проблемы будут "увидены" в той мере, в какой уже есть организационная рутина для их решения, или в какой новая рутина может быть присоединена к старой.

Разные виды бедственных положений объединяются в однотипные группы "случаев", чтобы к ним можно было применить одно определённое решение. Творчески активный, но пребывающий в неизвестности художник подпадает под "случай" финансовой поддержки безработных либо социальной помощи безработным, и социальные учреждения мобилизуют всю их доброжелательность и фантазию, чтобы принять решение обращаться с ним, как с безработным, поскольку только с этой точки зрения он вписывается в их программу. Решение о продолжении помощи зависит от того, сохраняется ли видимость, что художник "не работает", например, от отсутствия у него выставок. Таким образом, проблема принятия решения, стоящая перед организацией, и проблема, заставляющая художника искать помощь, – это не одно и то же.

В частности механизм отбора руководствуется типом программирования. Оно может быть либо целевым программированием, либо программированием условий. Двойственность возможностей программирования также имеет свои следствия. Казалось бы, всё просто: помощь – цель организованных действий и основание для выбора средств. Однако программирование условий оказания помощи обнаруживает косвенные, но существенные преимущества: возможность технологизирования, упрощение принятия решений, управляемость из центра, контролируемость действий.

Программирование условий связано с узакониванием притязаний на помощь и принципом равенства правового государства, которые в чисто целевом мышлении были бы только частным случаем. Вот почему помощь часто программируется в такой форме, что всегда, если имеются заранее установленные условия, то гарантируются заранее установленные услуги, соответствующие этим условиям или как-то ими определяемые. Отсюда конфликты с целевым мышлением, более близким к естественному, – ведь оно отражает требования окружающей среды, а часто обосновывает трудовой эмос и само существование организации. **Фактическая работа над решением социальных проблем и их осмысленное переживание нередко вступают в противоречие с действующими правилами.** Выходы из этой ситуации будут обусловлены опять-таки внутренними организационными факторами и не понятны тем, кто нуждается в непосредственной помощи.

Дальнейшие контуры этого типа помощи зависят от заранее заданных ему определений проблем. Забота о существовании – прерогатива экономики и её денежного механизма, она является главным движущим фактором общественных изменений. Организациям, оказывающим социальную помощь, вменяется в обязанность скорее "диспансерное обслуживание". Они работают над устранением проблемных случаев, которые постоянно возникают из господствующих структур и способов распределения. Рассуждать об изменении структур, воспроизводящих конкретные формы нужды в помощи – не их дело, да и вообще не дело социальной работы.

Между тем, именно эффективность и надёжность организационной помощи приводит в конечном счёте к дисфункциональным последствиям. Программирование социальной помощи вытесняет на задний план незапрограммированную помощь. Оказываемая вне программ помощь может даже стать помехой для организации помощи. Во всяком случае, отсутствие программы будет основанием и оправданием для того, чтобы не оказывать помощь. Исключение составят лишь организации, специализирующиеся на оказании помощи вне программ.

Организационная работа по устранению проблемных случаев вытесняет прочие мотивы помощи потому, что она превосходит их в эффективности и возможности регулировать распределение нагрузок. Сложилось мнение, будто каждой проблеме, в которой должна быть оказана помощь, соответствует компетентная инстанция, и тому, кто нуждается в помощи, надо только эту службу найти. Любовь к ближнему принимает форму направления по инстанциям. В этом-то и кроется опасность – ведь **не с каждой бедой управись при помощи организации.** Внутреннюю односторонность организации можно исправить лишь политическими средствами – путём большей упорядоченности и адекватности в определении проблем, – но это возможно только в соответствии с оргструктурами и процессами, которые специально будут для этого созданы на других уровнях.

III. Отсутствие регуляции на уровне общества в целом

Было бы грубым упрощением полагать, будто в современном обществе помощь сводится к одному единственному модусу. Конечно, организация стала доминантной формой уравнивания потребностей. Однако наряду с ней сохранились архаически-симбиотические отношения и морально генерализованные формы помощи. Добровольные услуги и ответные услуги из благодарности не исчезли, равно как и добрые поступки – о них просят и их совершают ради них самих. Устояли даже ритуализированные формы распределения излишков: так, ежегодно перед рождеством вступает в действие своего рода частная система взаимного налогообложения на пользу торговли. Но бросается в глаза *случайность совместного существования* столь разных форм помощи, и это – свидетельство того, что пока нет структурного решения проблемы помощи на уровне общества в целом. Сегодня в форме помощи решаются проблемы, имеющие значения уже не для всего общества в целом, а лишь для отдельных подсистем общества. Таким образом, единый образец, религиозная или моральная формула стали излишними.

Причины этого следует искать отчасти в развитии самой общественной системы, отчасти экономики. Эпоха региональных обществ закончилась. **С тех пор, как благодаря средствам коммуникации все люди стали достижимы друг для друга в том, что касается их структурных ожиданий, существует лишь одно общество – мировое.** Очевидно, что структурные проблемы системы такой величины и комплексности уже невозможно понять, пользуясь категорией для такого конкретного типа поведения, как "помощь". Проблемы "помощи развивающимся странам", которые необходимо решить в глобальном масштабе, уже не уместятся в эту форму; они требуют планового управления системным развитием, в конечном счете – самой общественной эволюцией, для чего пока нет ни политических, ни организационных, ни научных оснований. Необходимое для мирового общества уравнивание потребностей не поддается рационализации ни в плане взаимности, ни в плане морали в духе Caritas, ни в плане правильной интерпретации и реализации программ помощи. С тех пор, как стало ясно, что земля круглая и ресурсы ограничены, напрашивается новое, глобальное, определение старой проблемы помощи, а именно как проблемы распределения.

Между тем в индустриально развитых регионах мирового общества уравнивание потребностей во времени выдвинулось – вернемся к намеченной ранее мысли – в одну из систем денежной экономики и вытеснило общественно фундированные институты помощи. Деньги – более эффективный функциональный эквивалент помощи и благодарности. Теперь помощь может быть предоставлением денег или

компенсацией за недостатки в функционировании специализированной экономической подсистемы – в обоих случаях она закреплена в структурах и процессах, институционализированных сегодня не на уровне общества в целом, а на уровне его подсистемы – экономики.

Из этого не следует делать вывод в духе поверхностной критики культуры, будто личной помощи как социальной форме пришел конец. Конкретная помощь так же возможна и так же имеет смысл, как и раньше, – и сегодня можно взять за руку пожилого человека и помочь ему перейти через улицу с оживлённым движением. Вот только пафосу помощи действительно пришел конец. Можно помогать, а можно и не помогать, если у тебя в этот момент другие цели. Общество признаёт, в том числе нормативно, свободу индивидуального решения. В этом заключаются условия индивидуализации и добровольности оказания помощи, которые без исчезновения общественного нормирования просто бы не могли появиться.

**А если
вся наша жизнь записана,
как на магнитной ленте
и повторяется
век от века одно и то же
в разное время
в определённом месте.
А если,
всякий раз возвращаемся
только к себе,
к матрице проб и ошибок
чтобы всё повторить,
снова вернуться
и снова забыть
свет наших прошлых улыбок.
и без конца ошибаемся,
и некого в этом винить,
и всё само совершается,
жизнь опять продолжается.
И выбора нет, -
только быть.**

Наталья Гай

*Джон Перри Барлоу,
один из основателей организации
по защите прав граждан Сети*

ДЕКЛАРАЦИЯ Независимости Киберпространства

Правительства индустриального мира, вы, бессильные гиганты из плоти и стали, я пришел к вам из Киберпространства, нового дома Разума. Во имя будущего я прошу вас, живущих в прошлом – оставьте нас. Вы – незваные гости среди нас, и ваша власть не простирается туда, где собираемся мы.

У нас нет выборного правительства, и, скорее всего, не будет, и я обращаюсь к вам именем лишь той власти, именем которой говорит сама свобода. Я объявляю социальное пространство, которое строим мы, по природе независимым от тирании, которую вы пытаетесь нам навязать. У вас нет морального права управлять нами, нет у вас и таких методов принуждения, которых мы имели бы основания бояться.

Правительства получают свою власть по соглашению с управляемыми. Вы не просили, и не получали нашего согласия. Мы не приглашали вас. Вы не знаете нас, и не знаете нашего мира. Киберпространство лежит вне ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, как завод или жилой квартал. Вы не можете. Это природное образование, которое развивается самостоятельно, через посредство наших коллективных действий.

Вы не участвовали в нашем обширном и объединяющем общении, не вами создано изобилие наших рынков. Вы не знаете нашей культуры, нашей этики, и тех неписанных правил, которые уже сейчас обеспечивают больше порядка в нашем обществе, чем могли бы обеспечить любые ваши установления.

Вы заявляете, что у нас есть проблемы, которые вы должны решить. Вы используете это заявление как оправдание для вашего вторжения в наши пределы. Многих из этих проблем не существует. Там, где есть реальные конфликты, где есть виновные, мы определим их и разберемся с ними нашими средствами. Мы формируем наш собственный Общественный Договор. Это управление будет действовать в соответствии с условиями нашего мира, не вашего. Наш мир – другой.

Киберпространство состоит из взаимодействий, отношений, и самой мысли, образующих подобие волнового узора на паутине наших коммуникаций. Наш мир – везде и нигде, и он не там, где живёт тело.

Мы создаём мир, в который могут придти все, без привилегий или ограничений в зависимости от расы, экономического могущества, военной силы или положения по рождению.

Мы создаём мир, в котором каждый, откуда бы он ни был, может выразить свои идеалы, сколь бы непривычны они ни были, не опасаясь быть принужденным к молчанию или единомыслию.

Концепции, лежащие в основе ваших законов – собственность, выражение, личность, передвижение, контекст – не относятся к нам. Они основаны на материальных понятиях. Здесь нет материи.

У наших сущностей нет материальных тел, поэтому, в отличие от вас, нами нельзя управлять с помощью физического принуждения. Мы уверены, что

наше управление, основанное на этике, осознанном личном интересе и общественной пользе, будет действовать. Наши личности могут быть распределены между многими из ваших областей влияния. Единственный закон, который признан во всех этих составляющих культурах, это Золотое Правило. Мы надеемся найти свои собственные решения на этой основе. Но мы не можем принять решения, которые вы пытаетесь нам навязать.

Сегодня Вы в Соединенных Штатах приняли закон, Акт о телекоммуникационной реформе, который отвергает вашу собственную конституцию, и является оскорблением идей Джефферсона, Вашингтона, Милля, Мэдисона, де Токвевилля и Брэндиписа. Эти идеи должны теперь вновь возродиться в нас.

Вас пугают ваши собственные дети, потому что они – жители того мира, в котором вы всегда будете иммигрантами. Поскольку вы боитесь их, вы передаёте родительскую ответственность вашим бюрократическим учреждениям: вы слишком трусливы, чтобы нести её самим. В нашем мире все мысли и высказывания человечества, от низменных до ангельских – суть части неделимого целого, глобального потока битов. Мы не можем отделить воздух, в котором задыхаешься, от воздуха, по которому ударяют крылья.

В Китае, Германии, Франции, России, Сингапуре, Италии и Соединенных Штатах вы пытаетесь отразить атаку вируса свободы, устанавливая пограничные посты на границах Киберпространства. Они могут задержать заразу на короткое время, но они не сработают в мире, который скоро будет полностью покрыт средой, переносящий потоки битов.

Ваша всё более и более устаревающая индустрия информации будет охранять себя, предлагая законы, в Америке или где бы то ни было, которые объявят объектом собственности саму речь. Эти законы объявят мысль всего лишь ещё одним промышленным продуктом, не более благородным, чем чугун. В нашем мире всё, что может создать человеческий разум, воспроизводится и передаётся бесплатно. Теперь мысль может распространяться без помощи ваших фабрик.

Принимаемые вами всё более враждебные и колонизаторские меры ставят нас в то же положение, в котором находились прежние борцы за свободу и самоопределение, вынужденные отрицать власть далёкой и несведущей силы. Мы должны объявить свои виртуальные сущности неподвластными вашему авторитету, даже если наши тела подчиняются вашему правлению. Мы распространимся по планете, и никто не сможет арестовать наши мысли.

Мы создадим цивилизацию Разума в Киберпространстве. И пусть она будет более гуманной и справедливой, чем тот мир, который создан под вашим правлением.

Давос, Швейцария, 8 февраля 1996 г.

*

Определяющим для нас является духовное пространство, свободное от законов социальной системы.

Мы рассматриваем нашу профессиональную и социальную ответственность через призму ответственности человеческой. Ни один результат, полученный в социальной или профессиональной области не должен нести вреда для природной среды и человеческого сообщества.

Программа действий по утверждению Власти Потребителя в локальном и, в перспективе, в глобальном масштабе

Глобальный аспект – формирование институциональных и иных оснований ЭкоЦивилизации, ВосСоздание Рая Земного, утверждение мировидения «Человек Человеку – Бог!», образование нового субъекта управления общими делами человечества, смена парадигм хозяйственной и образовательно-деловой активности человека

Национальный аспект – реализация Великой Миссии России, миссии «включения рулей высоты» человечества, естественно предполагающей решение проблем экологической реабилитации российских территорий и акваторий, перевод российской жизни на новую, неизмеримо более высокую орбиту социально-экономической эффективности, в основе которой лежит предельно эффективное распределение общественных ресурсов на цели самоосуществления (самопознания, саморазвития и самореализации) каждого россиянина в процессе его следования своему призванию

Практический аспект (в контексте стартового периода) – формирование в рамках Движения «Власть Потребителя» Клуба корпоративно-потребительских инноваций «Достоверное качество» (ДОКА-Клуба), поначалу локального, со временем – национального, в перспективе – международного, клуба, который был бы способен решать следующие основные задачи:

1. Находить российских и иностранных производителей продуктов питания и другой продукции, необходимой потребителю, фактически руководители которых готовы были бы взять на себя личные обязательства по обеспечению потребителей достоверной информацией о реальном качестве производимой и предлагаемой ими потребителю продукции, заключать соответствующие партнерские соглашения с этими производителями

2. Организовывать и проводить экспертизы реального качества продукции, поставляемой ДОКА-Партнерами, формировать на этой основе соответствующие МЕТА-Рейтинговые позиции ДОКА-Партнеров

3. Обеспечивать консолидацию покупательских пулов потребителей, заинтересованных в приобретении продукции ДОКА-Партнеров, разрабатывать и реализовывать мероприятия, направленные на всестороннюю оптимизацию прямого взаимодействия членов ДОКА-Клуба и ДОКА-Партнеров

4. Создавать (по мере готовности) корпоративно-потребительские клубы конкретных ДОКА-Партнеров, клубы, которые объединяли бы потребителей продукции этих ДОКА-Партнеров, готовых осваивать взаимодействие членов ДОКА-Клуба с ДОКА-Партнером в кредитной, инвестиционной и инновационной сферах

5. Развивать институциональные и иные предпосылки последовательного повышения эффективности ДОКА-Взаимодействий, в первую очередь через создание соответствующих механизмов гарантий, страхования и иного обеспечения обязательств участников ДОКА-Взаимодействия

Ключевыми приоритетами инициаторов создания Движения «Власть Потребителя» на начальном этапе формирования в рамках ДОКА-Клуба инфрасреды прямого синтез-взаимодействия потребителя и

производителя в товарной, кредитной, инвестиционной, инновационной и поручительской сферах являются:

1. Формирование потребительского Здоровье-Клуба, выделение в его рамках целевых программ класса «Оливковое масло», «Вода – это жизнь», «Вино для здоровья», «Лекарства для Нас», «Медицина для Нас», «Апартамент-Клуб» и другие, способные обеспечить наивысший эффект здоровьеумножения для участников этих и иных программ

2. Адаптация к современным условиям и всемерное распространение технологии Чартаева, позволяющей не только обеспечить наивысшую производительность труда производственного предприятия, но и создать предпосылки для последовательного наращивания (за счет личной гарантии каждого участника общего производственного процесса) качества продукции не с точки зрения продавца, а с точки зрения потребителя

3. Внедрение элементов раздельного сбора и переработки бытовых и иных отходов, опирающейся на использование потенциала встречных перевозок системы ТОРНАДО (ТОВАРЫ НА ДОМ) и товарно-индивидуальную, а не групповую, организацию процесса сбора и эффективной переработки отходов

В процессе налаживания ДОКА-Взаимодействия потребителя и производителя формируются **все основные элементы прямого, минуя мифическую невидимую руку рынка, управления производительными силами со стороны соорганизованного (консолидированного) потребителя**, и в первую очередь элементы систем консолидации потребительских пулов, потребительской приемки продукции и организационно-логистической оптимизации

Финансовые принципы создания ДОКА-Клуба суть следующие:

1. На организационном этапе становления прямого синтез-взаимодействия потребителя и производителя в рамках ДОКА-Клуба участие в его деятельности и ДОКА-Партнера как производителя, и члена ДОКА-Клуба как потребителя является полностью бесплатным, то есть не требующим оплаты каких бы то ни было взносов ни со стороны потребителя, ни со стороны производителя

2. По мере формирования и наращивания потока прямого синтез-взаимодействия администрация ДОКА-Клуба будет формировать предпосылки повышения заинтересованности активистов ДОКА-Клуба в развитии соответствующего корпоративно-потребительского сотрудничества, в первую очередь, через отчисление в их пользу определенной части полученного ДОКА-Партнером дохода

3. При выходе сотрудничества в рамках ДОКА-Клуба потребителя и производителя на достаточно зрелый этап потребуются объединение потребителей в рамках юридического лица, потребительского общества или некоммерческого партнерства. И с этого момента стимулирование заинтересованности активистов ДОКА-Клуба перейдет от производителя к потребителю, в соответствии с разработанной системы оплаты соответствующих взносов

Столько смерти
в фильмах и крови.

Люди тонут в ней.

Нелюбовью

истекает высокий звук,
на экране не видно рук,
лишь стволы и ножи видны.

Плохо с нами,

обнажены наши чувства
уже не нами.

Небо чахнет над головами.

мы забыли о нём.

Виртуальность стала смыслом,
дороже реальности.

В перспективе в ней разрушение.

Мы согласны с таким решением,
потому продолжаем сидеть
и на злые экраны смотреть.

Чистый воздух и зелень листвы
нам приелись. И в этом все мы.

Быстрый выбор и лёгкая цель -

Жизнь, прощай.

Смерть, мы здесь и теперь...

Завтра Солнце встанет над нами

и растопит своими лучами

чары зла, и согреет всех,

кто на время забыл,

что Бог есть.

Смел народ наш как барс
и открыт как волна,
и напористость наша
любому видна.
Океан нам – страна,
почему же редки
всплески волн,
хоть просторы её широки?
Богатырь встанет смело
высокой волной,
чтобы всем показать,
что страна за спиной,
и что каждый сегодня
в ответе за то,
будет ли у России
прекрасным лицо.
Или нищей старухой
по миру пойдёт
и бессмысленный путь свой
к концу приведёт.

Наталья Гай

